

- [Покровский Сергей Викторович](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Покровский Сергей Викторович

Улунь

С.Покровский

УЛУНЬ

I

Странная это была земля.

Поморам, которые посещали ее берега, она казалась ровной и плоской, как стол. Ее край издали, с моря, виднелся низкой и гладкой полоской. Она темнела там, за волнистою рябью, и тянулась равномерно и однообразно сотни километров.

Лишь кое-где берег поднимался немного или прерывался долиной реки, вбегающей в море. За исключением немногих излучин он шел почти прямо на север, далеко за Полярный круг.

Теплые струи Гольфштрома еще достигали до него, но леса и отдельные деревья встречались только в южной его части.

Многочисленные длинные "кошки" (так поморы называют песчаные мели) или опасные в бурю "луды" (то есть подводные камни и каменистые мелкие места) делали опасным плавание у берегов Канинской земли. Большие грузовые суда боялись подходить близко к ее коварным берегам.

Только поморы на своих парусных лодках и карбасах отваживались ходить в ее водах. Но они знали здесь каждую луду, каждую кошку, знали, как пользоваться прихотливыми извивами береговых течений, а в ненастную погоду умели вовремя спрятаться от свирепых бурунов в тихих устьях коротких, но глубоких рек.

Когда же карбас входил в широкое размытое приливами речное устье, берег земли казался здесь гораздо выше, чем издали, с моря. Он вздымался вверх на десятки метров, и коричневый торф тундры, нависший над срывами песчаных и глинистых отвесов, был тогда словно гигантский карниз ветхой, поросшей мохом и травами кровли.

У подножья высокой береговой стены тянулась широкая кайма отмелей, то исчезающая под волнами во время приливов, то вновь выступавшая на свет в часы низкой воды. Эти отмели блестели тогда тысячью мелких водяных стекол (1), в которых копошились оставшиеся после отлива морские твари. Там и сям пестрела мокрая каменная россыпь и круглая, гладкая разноцветная галька. В воздухе мелькали бело-

пепельные крылья чаек и тысячи других птиц, населявших эти берега. Звонкоголосые кипихи (или морские сороки) (2) пискливо ссорились, мирились и тараторили на все лады, оглашая криками мокрые отмели, маленькие хорошенькие кулички-галстушники беззвучно бегали по песку. Они, кланяясь друг другу при встречах, припадали неподвижно за камни, когда замечали над берегом хищный полет черного поморника.

Стройные крачки кружили в воздухе, гоняясь друг за другом и распуская свой длинный вилообразный, как у ласточки, хвост. Ввиду берега проносились стрелой быстрые пары гагар. Стаи черных морянок со звонкими криками и свистом многочисленных крыльев перелетали с места на место, и с берега чудилось, будто над морем поют и звенят невидимые бубенчики.

Птиц всякой величины и всякого вида было столько, что на каждом шагу можно было встретить все новые и новые стаи пернатых.

Словно бесконечный зоологический сад, в котором собрано было множество редкостных птичьих пород, тянулся этот удивительный берег, полный движения, птичьей суеты, птичьих голосов и перекликаний. Говор и шумы набегających волн, величественные приливы и отливы дополняли яркую картину жизни, которою жил морской берег Канина.

II

Так было летом. Зато зимой здесь бывало глухо, тихо, бело. Толстая снежная пелена тяжело ложилась поверх тундры и свешивалась с берега над морем, как причудливый белый навес.

Да и море само примерзало кое-где по берегам и покрывалось припаем и торосами (3), и далеко белели снега и льды, оковавшие бурные морские воды.

Когда набегал резвый "побережник" (северо-западный ветер), по всему краю ледяной каймы поднимался шумный бурун. Ключьями взлетала пена, волны ломали ледяные окраины, набрасывали их валом на лед, который потрескивал и крошился в куски. Иные льдины ворочались, стукались, становились ребром, громоздились и рушились и казались живыми, сердитыми и могучими чудищами. И порой к тучам пены и брызг прибавлялся густой серый туман, который тихо наплывал с севера и укрывал все, отчего море, льды, земля и самое небо тонули в его непроглядном сумраке.

И тогда только удары набегających волн тяжелым гулом говорили о том, что где-то близко море, и о том, что оно гневается.

Когда прошла средняя темная часть зимы, небо стало светлеть около полудня, хотя густые тучи почти никогда не обнажали лазури. И если

солнце проглядывало порой из прорванных облаков, его лучи озаряли необычайную картину.

Безлюдная, слегка волнистая земля расстилалась далеко на юг и на север. На ней было пусто и тихо. Не видно было самоедских чумов, не слышно птиц, и нигде чистый снег не пестрел вереницами оленьих следов. Иногда к берегам приставали парусные лодки, карбасы и шняки (4) поморов. Они входили в незамерзающие устья рек и здесь ставили снаряды для ловли наваги и камбалы. Тогда маленькие избушки, построенные поморами для своих временных ночлегов, начинали куриться серым дымом, выходящим из-под крыши, и берег на несколько дней становился шумным и оживленным. Потом поморы, забрав добычу, уплывали домой, на юг, а кругом становилось снова тихо и пустынно, как раньше.

III

На севере виднелись "сопки". Так называют поморы большие песчаные холмы, поднимающиеся несколькими грядами, которые тянутся с запада на восток.

Много тысяч лет тому назад с северо-запада подползали сюда тяжелые, медленные, ледяные потоки. Они были огромны и страшны тем холодом, сыростью и стужей, которую приносили с собой. В долгую полярную ночь жгучие морозы были еще крепче, чем теперь, метели еще ужаснее, сугробы еще выше; а когда наступали июнь и июль, то вместе с длинным полярным днем не приходило теплое лето. Холодные туманы зарождались в трещинах льда. Они выползали отсюда, стлались по холодной ледяной поверхности, расплывались вокруг и покрывали дымным и влажным пологом всю страну. Пронизывающие сырые ветры сменяли туманы, и часто хлопья мокрого снега кружились и падали из облаков в середине светлого июля.

Прошли тысячелетия. Стало теплее и суше. Ледники понемногу растаяли; а на том месте, где они громоздились когда-то, остались принесенные ими огромные горообразные груды песку, глины и гранитных каменных обломков. Так родились сопки.

На южных склонах сопок весна давала себя знать раньше, чем на окружающей тундре. Здесь на солнечных пригревах появлялись первые проталины, раньше сбегал снег и выглядывала на свет первая зелень. Вот почему ранние возвратные стаи перелетных птиц любили присаживаться на отдых на южных склонах сопок. Здесь на пролете весной можно было встретить почти всех сухопутных птиц Канинской тундры.

Так было и в этом году. Под теплыми лучами оседали и таяли сугробы, журчала вода, обнажалась мокрая сверху и еще мерзлая внутри земля.

Короткою ночью лужи леденели, а днем вновь отмокали и насыщались набегающей влагой. И вот, когда проталины, разрастаясь, стали сливаться друг с другом, на одной из сопок появилось несколько почти круглых белых комков, как будто слепленных из снега. Хитрый старый песец уже давно заметил их издали. Его трудно было провести, и он терпеливо ждал. Прошло много долгих минут, как вдруг один из снежных комьев зашевелился, внезапно у него по бокам раскрылись широкие крылья, и, оторвавшись от земли, он тяжело и бесшумно понесся над тундрой. Это была большая белая птица. Ее белый наряд долго мелькал на темных пятнах проталин. Зато над снегами она становилась почти невидимой.

Вслед за первой птицей лениво поднялись и другие и, мерно махая крыльями, полетели на другой холм.

Это были совы, самые заметные вестники возрождения бодрой весенней жизни.

Песец радостно завилял хвостом и рысцой засеменял к песчаным грядам. Он знал, что раз прилетели совы, - в тундре начали просыпаться сонные пеструшки, появились белые куропатки, а по проталинам запрыгали передовые стайки подорожников и рогатых жаворонков.

За Полярным кругом весна начинается поздно, но зато идет быстро и неудержимо. Звери и птицы спешат воспользоваться коротким северным летом, и за первыми гонцами весны без остановки появляются все жители тундры, стоячих вод и морских берегов.

Песец взобрался на вершину песчаного холма и стал тщательно обнюхивать появившиеся на ней проталины. В прошлом году здесь были его норы. Некоторые входы еще не вышли из-под снега или завалились землей. Но все-таки норы сохранились, и скоро можно было приняться за поправку старого жилья.

IV

Белые совы, или по-сибирски "улуны", покинули лесные опушки, когда солнце растопило в лесах сугробы и древесные почки стали наливаться и пухнуть. Тяжелые белые куропатки с мохнатыми толстыми ногами и загнутым клювом заспешили целыми стаями к своим родным местам, прячась по зарослям тундровых ивняков.

Совы перелетали за ними, передвигаясь вперед небольшими перелетами, пока не добрались до сопки. Здесь собралась целая стайка этих удивительных хищников, которые нисколько не боятся лучезарного солнца, невыносимого для других сов.

Первое время они вели себя беспокойно и часто ссорились. Они любили жить просторно, поодаль друг от друга, а тут приходилось

тесниться на немногих оттаявших склонах холмов и сталкиваться из-за скудной добычи. Кроме того, это было время, когда совы, как и другие птицы, делятся на пары, чтобы начать семейную жизнь, выют гнезда и выводят птенцов. Но разделить мирно и без споров им никак не удавалось. Часто можно было видеть, как два самца вступали в ожесточенную борьбу и как более сильный прогонял слабого.

Среди улуней, прилетевших на сопки, была одна самка, огромная птица с громадными золотисто-желтыми глазами и крепкими, как сталь, когтями. Она была самой сильной из всей стаи, собравшейся на песчаных холмах. Там, где садилась она, не смела появиться никакая другая сова. Зоркие глаза совихи издали замечали робкую мордочку пеструшки, выглядывающей из-за моховой кочки, покрытой листьями морошки. Тихо взмахивала улунь крыльями и, расстилаясь белым лоскутом над землей, припадая за буграми, вдруг появлялась над пеструшкой; как снег на голову, падала она на бедного зверька. Острые иглы ее кривых когтей вонзались в его исхудалое за зиму тельце. Зверек испускал дух, не успев даже жалобно пискнуть перед смертью.

Поймав добычу, она всегда возвращалась на любимую круглую вершину холма, откуда можно было далеко видеть вокруг во все стороны. Здесь не спеша разглядывала пойманную пеструшку. Потом она хватала ее за голову и глотала целиком, не давая себе труда хорошенько расклевать добычу.

Через несколько часов она нагибалась и выкидывала изо рта вон шкурку. Внутренности и мясо его начисто вываривались удивительным совиным желудком.

Там, где охотилась Большая сова и где совершала свою молчаливую трапезу, она считала себя полной хозяйкой. Если какой-нибудь другой хищник появлялся на кочках ее участка, она поднималась и, распушив перья, направлялась навстречу. Чаще всего враг исчезал без сопротивления. Если же дело доходило до битвы, противник скоро узнавал силу ее крыльев, остроту ее когтей и крепость клюва.

Как только стало теплее и снег в низкой тундре понемногу стаял, большинство улуней покинуло сопки и разлетелось парами во все стороны.

Большая сова осталась одинокой, и никто не пытался теперь спорить с ней за ее владения.

У

Была вторая половина мая, а весна только еще начиналась. Всюду по северным склонам холмов лежал глубокий снег. Ущелья и русла недавно вскрывшихся рек были окаймлены огромными залежами снега, и вся

тундра пестрела рябью бесчисленных сугробов, притаившихся за теневой стороною кочек.

Северный ветер приносил с океана стужу, облака и туманы. Воздух наполнялся весь мелькающими хлопьями снега, который снова застилал собою только что освободившуюся от него землю. Зима возвращалась, и белая пелена ее одежд так ослепительно сверкала под яркими лучами солнца, что даже узкие глаза ко всему привычных самоедов щурились и делались еще более похожими на щелки.

Но приходил южный ветер и с ним тепло. Зима опять уступала солнцу. Вылезала зелень из-под только что сбежавшего снега. Желтел мох у самого края намокших сугробов. В солнечные ясные дни с вершины сопки можно было оглядеть тундру на десятки километров, с ее бесчисленными озерами, холмами, долинами рек, гладкими низинами и бугристыми торфяниками.

В один из таких дней над вершиной сухого холма возле высокой сопки и невдалеке от озера летали и кружились две большие белые совы. Они то гонялись одна за другой, то взлетали высоко, то опускались вниз, пока, устав, не уселись рядом на холм между двумя высокими буграми в ямке, устланной мягким мохом и пахучими ветками багульника. Уже давно выбрали они здесь укромное местечко для своего гнезда. Оно было незаметно со стороны и достаточно высоко, чтобы видеть далеко кругом.

Здесь присели белые птицы, тесно прижимаясь друг к другу.

Это была Большая сова, сильная владелица сопки, и ее молодой супруг, который недавно был избран ею в тихий утренний час. Он был так же крепок, силен и ловок, но все же уступал ей и по величине, и по силе. На сопку он прилетел позднее, когда все другие совы уже разлетелись. Оставалась одна только одинокая Большая сова, с которой вместе стали они делить свою молчаливую жизнь.

Белое озеро тихо светлело в лощине. Его вода еще не очистилась от последних остатков ледяной кровли и была холодна и чиста, как стекло. Там и сям на его глади всплывали и разбегались водяные круги.

Это играла рыба.

Совы глядели на них зорко, но спокойно. Они были сыты и теперь занимались больше собой, чем окружающим миром.

Вдруг самец насторожился. Он услышал звуки, которые не мог бы расслышать ни один человек.

Обе совы повернули головы и стали прислушиваться. Звуки усилились. Совы взмахнули крыльями и тихо уселись на вершинах двух соседних бугров. Оттуда молно было смотреть вдаль и вовремя заметить приближение опасности.

Но тундра не степь. В степи гладко; видно все до самого горизонта. В тундре перемежаются высокие и низкие места. Песчаные холмы в несколько метров высотой сменяются узкими болотистыми низинами, покрытыми осокой и пушицей.

Гладкие места (или по-самоедски - "ерсеи") летом также просочены водой и местами были бы непроходимы, если бы внизу под ними не было оледенелого мерзлого слоя, растопить который не в силах теплые летние лучи. Ерсеи обыкновенно узки и извилисты и часто напоминают долины исчезнувших рек, которые выются среди торфяных берегов.

Один из таких ерсеев проходил мимо совиных бугров. В густом ивовом кустарнике, разросшемся здесь на добрые два километра, раздавались звуки, к которым прислушивались птицы. Слышались шорох, шум, треск сучьев и крики испуганных куликов. Прошло немного времени, и вот всеобщая тревога стала еще яснее и заметнее. Видно было, как шевелились ветви и как над ними с жалобным писком металась птица.

Еще через несколько минут не только совиный, но и человеческий глаз разглядел бы в густой еще неолиственной ере (5) волнистый поток серых и белых оленей, которые с треском ломились по ивняку, вскидывая и колебля шерстистые рога, похожие на качающиеся ветви.

Вот уже близко тяжкое дыхание напряженных звериных морд, шлепанье широких копыт, густое похрапывание важенок (самок), окрики самоедов и позвякивание бубенчика. Семь или восемь лохматых собак скакали по сторонам каравана, пугая куликов, коньков и других птичек и поднимая куропаток, которые с шумом разлетались вокруг.

Это двигался длинный обоз оленевода Бобрикова, стадо которого считали в несколько тысяч оленей. Когда его спрашивали, как велико его стадо, он говорил всегда одно и то же: "А кто знает-то? Никто не считал, сколько оленей. Есть мало-мало".

Все, что имело крылья, разлеталось кто куда при виде этой лавины живых серых тел. Только белые улун сидели неподвижно и спокойно. Издали они были похожи на мраморные изваяния таинственных существ. С высоты своего холма они невозмутимо следили круглыми желтыми глазами за стадом и прислушивались к треску кустарников и щелканью тысяч оленьих ног.

VI

Молодой парень без шапки, с длинными черными волосами, ехал на передних нартах. Он то и дело вставал на сани и вглядывался вперед, куда идет "ворга". "Воргой" самоеды зовут след от полозьев. По ним кочевники узнают свои проторенные пути.

Но след в тундре не всегда легко распознать. Весной прошлогодние колеи заливаются водой и легко заплывают торфом, а потом зарастают мохом и травами. Иногда в одном и том же месте сходятся следы разных путей, и отыскать нужную дорогу бывает нелегко и опытному глазу.

На минуту передовой остановил нарты и огляделся кругом. Налево за поворотом, у подножия сопки, сверкнуло озеро и две белые совы на вершинах округлых бугров.

И озеро, и сопки, и даже белые тела улуней были знакомы ему. Таким же все это было и прошлой весной, когда после зимнего кочевья самоеды возвращались этою воргой на свое летнее приволье.

Он потыкал "хореем" (шестом, которым погоняют оленей) в спины оленей своей пятерки и погнал ее к берегу озера, где в прошлом году они ставили три чума.

Здесь стали и на этот раз. Тут было сухо, было много ивняка для костров, светлела чистая вода, а стадо могло найти сколько угодно корма по берегам озера.

Самоеды прошли недалеко от оцепенелых улуней и расположились станом не далее километра от них. Пока ставили чум, распрягали оленей, разводили костры, принимались за повседневные заботы, птицы продолжали сидеть все с тем же изумительным спокойствием, не шевелясь ни одним пером, ни одним членом.

А вместе с ними также внимательно следили за прибывшими людьми еще несколько пар сов, недвижно сидевших на более далеких возвышенностях. Их огромные золотые глаза не упускали ни одного движения, которое делали люди на своем становище.

Молодой самоед с черными волосами пристально поглядывал на сов. Самоеды считают улуней лакомым блюдом, но редко охотятся на них с ружьем. Ловушки и силки - вот их любимое орудие. Ружейные снаряды дороги в тундре, а улуней зорки и осторожны, и тратить на них порох - плохой расчет.

Но черноволосый считался хорошим стрелком. Издалека бил он свинцовой пулей казарок, гусей и мягкоперых гаг, нацелив на них из кустов свою ржавую "огневицу".

Когда в дедовском чуме угомонились и собаки, и люди, Черноволосый взял ружье и тихонько вышел наружу.

Было близко к полуночи. Солнце спустилось на самую тундру, и нижний край его коснулся далеких бугров, поросших корявою ерой. Оно было большое и красное. Сквозь затуманенный воздух можно было смотреть на него прямо, как будто это было не великое светило, а совсем

темный красный шар. Казалось, оно зацепилось за землю и напрягало все силы, чтобы подняться. Так бывает, когда белохвостый орел застигнет в речной ловушке тяжелую нельму (6) и, запустив ей в спину свои железные когти, машет крыльями, хочет улететь с добычей и не может.

Внимательно обвел черными, как уголь, глазами равнину Черноволосый, сжимая холодное ружье.

Тихо спала кругом солнечная июльская полночь. Как белый пар, безмолвно дымились там и сям сонные озера, и неподвижный воздух не приносил ни откуда ни шума, ни шороха. Вечная тишина тундры глубокою ночью становится еще глубже, и кажется, что все на земле и на небе затаило дыхание и ждет нового восхождения незашедшего солнца. И когда солнце действительно стало приподниматься, оторвавшись от земли, как будто колыхнулись тихие туманы, ветер прошуршал по ере, земля очнулась идохнула свободнее.

Черноволосый еще раз огляделся и стал спускаться с бугра, на котором спало становище. По-прежнему поодаль от него на двух соседних вершинах виднелись две белые фигуры улуней. Более четверти суток миновало с тех пор, как близко от них прошел самоедский обоз, а они все еще сидели неподвижно, как будто и впрямь оборотились в мертвые камни.

Черноволосый знал, что напрямик подойти к совам на выстрел нет никакой надежды. Потому не спеша направился в другую сторону, даже не поворачивая к ним головы. Он лишь косил глазами так, чтобы не упускать их из виду. Зайти за песчаную сопку, которая тянулась позади совиных бугров, и под ее укрытием подойти сзади к улуням на ружейный выстрел вот хитрость, которую он придумал. Место, где шагал самоед, летом было почти непроходимо. Об этом говорил зеленовато-желтый торфяной мох, хлюпающий под ногами. Но пока жидкая трясина успела растаять только сверху. На глубине семнадцати сантиметров еще держался лед, по которому можно было ступать безопасно. Только там, где сочился ручей, трясина оттаяла глубже, и самоед прыгнул через него.

После полуночи стало холоднее, хотя солнце уже потянулось вверх. Кое-где вода в лужах покрылась ледяными иглами, а мох и трава в низинах поседали от инея. Ряд холмиков спрятал Черноволосого от улуней, и он мог направить свои шаги так, чтобы забраться на северную сторону песчаной сопки. Здесь еще лежал глубокий снег.

Тихо крался Черноволосый, чтобы не спугнуть чуткую добычу, карабкаясь по снеговым скатам. Кое-где на них проступали кровавые пятна красного снега (7).

Когда, наконец, он выглянул из-за гребня сопки, обе белые птицы

сидели на вершинах тех самых бугров, где были и раньше.

Заметив его, они разом распустили крылья, но было уже поздно: ударил выстрел с огнем и дымом, и белые перья улуны-самца закружились в воздухе.

Когда ветер отмахнул дым в сторону, пух еще летал, а обе совы уже махали снежно-белыми крыльями, распластавшись над самым болотом. Полет их был так спокоен, взмахи крыльев так плавны, как будто ничего не случилось особенного, и им просто пришлось в голову переменить место.

Черноволоксий стоял и с досадой глядел на улетающих птиц. Ему жаль было заряда, жаль неудачного выстрела, даром разбудившего тишину тундры.

"Ишь, крепкие, - бормотал он себе под нос, - словно камень".

Его ружье было заряжено крупной гусиной дробью. Немало казарок и уток достала ему эта дробь, а сова осталась невредимой, хотя промаха не было и было не слишком далеко. Улуны недаром похожи на белые комки ваты. Их пуховая шуба так толста, стволы перьев так крепки, что даже крупная дробь не пробивает ее, а вязнет, как в глубокой перине.

"Ну, погодите, - грозился Черноволоксий, сжимая кулак. - Я еще доберусь до вас!.."

Но добраться ему не пришлось. Улуны были далеко, а темные чумы Бобрикова через день снялись и вместе со стадом, людьми, санями и собаками ушли дальше на север.

На месте чумов осталась черная обожженная земля, кучи серой золы, черепки, обломки палок, бесчисленные олени следы да черные шарики помета, рассыпанные всюду по тундре.

Когда все стихло и устоялся потревоженный воздух, на прежнем холме, на вершинах рядом стоящих бугров, снова уселись две белые птицы. Усевшись, они еще долго смотрели в ту сторону, куда ушли олени и люди.

VII

Прошло два-три дня, и теперь на вершине холма была видна только одна белая птица. Она сидела все так же неподвижно, но иногда вдруг кидалась с холма и где-нибудь, на миг припав к земле, поднималась на воздух с пеструшкой или водяной крысой в когтях. Всякий раз, изловив добычу, она возвращалась к своим любимым буграм. Но теперь большею частью она не садилась на вершину, а спускалась в ложбинку между буграми. Тут среди кустиков приземистой ивы и карликовой березы находила она свою белую подругу, неподвижно припавшую к земле. Большая сова начала уже класть и насиживать яйца. Сюда приносил улуны-самец свою теплую поживу, которой всегда делился с самкой. По временам

после короткой трапезы совиха вдруг сходила с гнезда и открывала два крупных белых яйца, на которые спешил присесть самец, сменявший на некоторое время самку.

Совиха развевала белые крылья, потягивалась и вдруг поднималась на воздух, чтобы развлечься немного охотой.

Так проходили их дни, полные мирных забот.

Был теплый июньский день. Ясное небо голубело вверху. Тундра грелась под горячими солнечными лучами. В согревшихся лужицах уже начали выводиться комары-кровопийцы.

В этот день рано утром совиха положила в гнездо третье горячее яйцо. Наседка-мать казалась утомленной. Она чувствовала себя голодной и с жадностью глотала все, что приносил самец. Как нарочно, супруг приносил ей сегодня все очень мелкую добычу. Наконец терпение ее истощилось, и она сама отправилась на поиски.

Она сделала несколько больших кругов, как вдруг в одном месте перед ней с кваканьем выпорхнула испуганная белая куропатка. Этого только и ждала хищная птица. Стрелой упала она сверху на жирную дичь и сбила ее на землю.

Вернувшись на свой бугор, она съела принесенную добычу, и, когда, тяжелая и довольная, слетела опять на гнездо, самец, вспорхнувший на вершину холма, почти не нашел съедобных остатков.

VIII

Между тем зачиналось короткое полярное лето. Зазеленела ера неясными светло-зелеными листьями. Поднялась осока по болотам. Пушица на мокрых местах забелела пуховыми султанами. Всюду на кочках засверкали белые розетки распутившейся морошки. Тысячи ярких цветов покрыли тундру. Высокая чемерица выгнала вверх могучие цветочные стрелки. Большие крупные листья ее красивыми пучками выглянули из травы. На сухих буграх было беднее, но и там цвела морошка и раскидывал зеленые ветви ароматный багульник. Только там, где раньше рос серый ягель (8), вытоптаный и выгрязненный оленями, теперь зиял обнажившийся бурый торф, похожий цветом на черный хлеб.

Улуни могли быть довольны охотой. Они постоянно ловили куропаток. Серые самочки турухтанов порой попадали им в лапы. Иногда птицы слетали на озеро, чтобы поживиться рыбою. Недалеко от берега из воды выставлялся плоский гранитный валун, лишь слегка поднимавшийся над водяной гладью. На него любила прилетать совиха в те часы, когда она сдавала самцу свою утомительную службу наседки. Тут она опускалась на камень и сидела, не шевелясь, так тихо, как могут это делать только совы.

Казалось, она умерла или спит, но золотые глаза ее были широко раскрыты и зорко пронизывали зеркальную глубину. По временам она внезапно совала в воду длинную лапу и вытаскивала из нее какую-нибудь извивающуюся рыбину.

Но, конечно, больше всего поела она разных маленьких грызунов пеструшек и мышей, которыми так богата тундра. В этом году их было особенно много.

Совиха была сыта и оттого клала яйцо за яйцом. Когда в гнезде было положено уже восьмое, из самого первого выклюнулся птенец.

Скорлупа одного из яиц треснула, и мать осторожно стала помогать клювом своему первенцу выбраться на свет. Когда скорлупа развалилась, птенец встал, качаясь на лапках, и запищал. До чего, однако, он был жалок и безобразен! Как дрожало его маленькое тельце! Как широко раскрывался его желтый рот!..

Мать прикрыла его скорее теплою грудью, и он затих. Теперь к прежним заботам прибавилась новая. Птенец был необычайно прожорлив и постоянно пищал от голода. Чтобы его накормить, самец таскал пеструшек или ящериц, рвал на куски и клал их осторожно в разинутый рот птенца.

Зато и рос он, как в сказке, не по дням, а по часам. Быстро покрылся теплым и густым пухом. Через несколько дней вслед за первым вылупился другой птенец.

С тех пор как появились совята, отец и мать стали очень осторожными. Они перестали есть на том бугре, у подножия которого притаилось гнездо. Они садились поодаль на песчаную сопку, чтобы еще дальше видеть все кругом и не выдавать близости детей.

Отсюда высматривали они теперь добычу, отсюда же самец подавал сигнал, если замечал в тундре что-нибудь подозрительное.

IX

Однажды, когда совиха сидела на гнезде, она услышала с вершины громкое щелканье клювом, что обозначало и сильную ярость и сильную тревогу. Вслед за этим самец промчался над ее головой с гневно горящими глазами. Почуввав недоброе, совиха вспорхнула сперва на бугор, а потом пустилась вдогонку за своим супругом.

На другом берегу озера было видно что-то серое. Это серое существо быстро двигалось среди осоки и кочек и понемногу приближалось к совиному гнездовищу. Там, где человеческий глаз не различил бы ничего ясного, удивительные глаза совы видели отлично. Это был молодой волк. Он был еще далеко, но если он будет бежать тем же путем, то рано или поздно его острое волчье чутье откроет ему близость гнездовища.

Волк бежал, пригнув голову к земле. Он нюхал давние следы оленей, крепкий дух их помета, запах разнообразной пернатой дичи, рассеянной повсюду, отвратительный запах песцов.

Он рыскал, как охотничья собака, туда и сюда, то забегал в ивовые кусты, то утыкался носом в моховые кочки, пронизанные ходами пеструшек. Почуввав грызуна, волк стал копать передними лапами землю и мох над его норкой. Вдруг сверху в воздухе послышалось громкое хлопанье крыльев. Волк оцетинился, отскочил в сторону, оскалил желтые зубы. Большая белая птица трепетала над ним в воздухе, яростно сверкала глазами и раскрывала клюв.

Волк заворчал, рассерженный такою дерзостью. Однако безумная смелость и неожиданность нападения смущали его. Между тем птица кружилась над его головой. Она то взлетала вверх, то падала вниз с вытянутыми когтями, готовыми вцепиться в глаза врагу. Волк подпрыгнул и попытался схватить зубами неприятеля, но птица ловко увернулась, сильно ударив крылом волка по голове. В это время в воздухе зашумела еще вторая пара крыльев, и другая птица, еще более страшная и большая, налетела на него. Теперь они обе вились над ним. Длинные кривые когти, вскрикивания, щелканье клюва и эти страшные золотые глаза не на шутку испугали волка. Однако он сделал еще одну попытку подпрыгнуть и схватить нападающих. Но тут он получил такой удар крылом по темени, что, почти оглушенный, присел на месте. В то же время острые, как шило, когти улуны-самца рванули его щеку, чуть не выцарапав глаза.

Волк взвизгнул и, поджав хвост, с окровавленной мордой, бросился бежать от разъяренных белых птиц, так свирепо нападавших на него. Но долго еще улуны-самец преследовал его, шипя и щелкая клювом, взмывая вверх и падая на голову перепуганному врагу.

Х

Между тем совиha предоставила преследование одному самцу, а сама повернула домой. Еще издали заметила она что-то тревожное возле своего беззащитного гнезда.

На вершине ближайшей сопки стояла пара старых волков. Они внимательно осматривали окрестность и жадно вбирали ноздрями питанный тундровыми запахами воздух. Волки были очень близко. Им стоило только спуститься с южного склона, и тогда гнездовой холм улуней будет у них на носу. Смертельная опасность ждет и птенцов и яйца. Борьба одной птицы против двух сильных зверей безумна и бесполезна.

Улуны не умела рассуждать, но прирожденный инстинкт учил ее действовать. Низко припав к самой земле, с притворным усилением

поволоклась она над осокой. Она задевала крыльями высокие стебли, сшибала пушицу, и, обогнув свой холм, очутилась на склоне той сопки, на которой стояли волки.

Волчья чета разом насторожилась и вытянула морды вперед. Улунь между тем наискось пролетела по склону сопки, как будто не замечая волков. Она судорожно трепетала крыльями, падала, спотыкалась. Она была необыкновенно похожа на раненую птицу, которая уже теряет последние силы. Перепорхнув через сопку шагах в тридцати от волков, она припала к земле.

Волки все еще не трогались с места, но глаза их уже засверкали голодным блеском при виде близкой добычи.

Между тем улунь сделала два-три неуклюжих прыжка вниз по склону и вдруг, споткнувшись, завалилась на бок, приподняла одно крыло и закинула назад голову с широко раскрытым ртом.

Этого зрелища не могли выдержать серые звери. В несколько прыжков они были уже возле птицы.

Птица забилась крыльями о землю и вдруг спорхнула с сопки, тяжело шлепнувшись на мох среди кочек. Волки бросились за ней, боясь упустить добычу. Сова поднялась и, шатаясь, сделала несколько шагов по земле. Когда волки очутились близко, она снова с усилием вспорхнула, отлетела на несколько десятков шагов и снова упала на землю. На этот раз она упала прямо на спину и подняла вверх когти, как это делают хищные птицы, вконец неспособные к бегству и решающиеся дорого продать свою жизнь в последней отчаянной битве. Теперь оба волка были уже захвачены охотничьим жаром: догнать, овладеть, во что бы то ни стало. Но воинственная поза совы остановила их, и они начали обходить ее так, чтобы разом броситься на врага с двух сторон.

Снова отчаянные усилия, снова трепет огромных крыльев, и снова птица, вырвавшаяся почти из волчьих зубов, перепархивает дальше через кусты еры, которые задерживали преследователей.

Так, то поддаваясь, то вновь ускользя, рискуя каждый момент своей жизнью, мать уводила страшных врагов все дальше и дальше от своего гнезда, от своих детей.

Сове помогало то, что волки в преследовании способны так же терять всякое самообладание, как это случается с горячими охотничьими собаками, когда они предоставлены сами себе.

Притворщице удалось увести своих преследователей за два километра. Здесь она взлетела в последний раз, скрылась за сопками и вернулась домой окольной дорогой.

XI

На гнезде она застала уже самца, который сидел там, распушив огромные перья. Несмотря на долгое отсутствие наседки, яйца не успели еще остынуть. Этому помогало то, что теперь среди яиц было уже два вылупившихся птенца, которые своими горячими тельцами сильно согревали яйца.

В ближайшие дни совиха снесла еще два крупных яйца: девятое и десятое в кладке этого года. Так бывает довольно редко и говорит о силе и здоровье наседки. В то же время вылупился еще третий птенец, а старшие продолжали быстро расти. Скоро сделались они большими и прожорливыми. Матери приходилось теперь оставлять их надолго, чтобы охотиться вместе с самцом, так как с каждым днем требовалось все больше и больше добычи. Пухлые и теплые старшие птенцы могли заменять наседку и не позволяли яйцам остынуть.

Новых яиц больше не появлялось. Прежние по временам трескались, и к старшим совытам прибавлялись понемногу младшие.

В июле наступила теплая пора, с тучами комаров и мошек.

Все самоеды, кочевавшие в этой части тундры, давно уже ушли на север, чтобы избавить оленей от комариной язвы.

Две недели стояла очень теплая погода. За это время все птенцы уже вылупились, а два старших птенца стали большими птицами. Особенно велик был первенец, у которого сквозь серый гнездовый пух начали проступать молодые перья.

Его крылья окрепли, и он порой выходил из гнезда и взмахивал ими, пробуя их силу.

Клюв его вырос и загнулся, а лапы были вооружены такими когтями, которые уже мало чем уступали когтям взрослых птиц.

Теперь, когда старики приносили пойманных грызунов, первенец получал уже не растерзанные кусочки, как его младшие братья, а целого зверька, и проглатывал его целиком. Затем он важно садился в углу гнезда и молчаливо поглядывал вдаль, как это делали отец и мать.

Он был уже ростом почти с отца, а до сих пор не умел брать пищи с земли и глотал только то, что получал из родительского клюва. При виде лакомого кусочка он только распускал крылья и быстро трепетал ими. Этим выражал он свое нетерпение и требование, чтобы его поскорее накормили.

Птенцы улуней подрастали один за другим. Первенец понемногу выбрался из гнезда и с удовольствием начал перепархивать с одной торфяной кочки на другую. Отец и мать перепархивали вместе с ним, следя за каждым его движением. Они брали его с собой на ловлю пеструшек.

Главное условие такой ловли - терпение. Когда старая улунь находила под кочкой выход из норки пеструшки, она садилась позади норки и долго в полном молчании ждала, когда покажется из нее маленький владелец подземелья. Целые часы проходили иногда, прежде чем это случалось. Улунь неподвижно цепенела на выбранном месте, подобно мраморному истукану, поставленному на кочке среди равнины. Рано или поздно головка грызуна робко высовывалась из-под земли наружу, и немедленно острые когти совы схватывали и душили несчастную жертву.

XII

Однажды совиное гнездо было неожиданно встревожено самым необычным приключением. В утренние часы, когда птицы бывали особенно голодны, старые улунь охотились так усердно, что прилетали к гнезду только покормить детей.

Оставшись одни, птенцы сидели тесною кучей, прижавшись крепко боками. Только второй птенец, уже оперившийся, сидел особняком, нахохлившись и вертя по временам головой. Вдруг на бугре появилась быстрая тень. Вслед за тем что-то серое рухнуло вниз и клубком скатилось прямо в гнездо с откоса. Громкий и жалобный писк огласил воздух, и вся куча совят разом закопошилась. Оперившийся первенец неловко взмахнул крыльями и, не удержав равновесия, ткнулся носом в землю. Но то существо, которое и сделало такой переполох среди юных улуней, высоко подпрыгнуло вверх и сделало отчаянный скачок в сторону. Это был молодой заяц-беляк, который казался еще более испуганным, чем сами птенцы. Едва оглянувшись на серых птиц, он вдруг, прижав уши, кинулся бежать к озеру.

Не успел он домчаться до зеленой еры, как чьи-то белые крылья вдруг распростерлись над ним. Это была улунь-мать. Еще издали заметила она набег несчастного зайца на свое гнездо и погналась за беднягой вдогонку. Как молния, упала она ему на спину. Четыре отточенных когтя впились ему в морду и опрокинули его на землю. Другие четыре когтя сжали его грудь, проколов ему легкие и сердце.

Короткая последняя борьба, несколько судорожных усилий освободиться, алые струйки горячей крови, предсмертная дрожь, и все кончено. В лапах ее висит уже бессильная жертва, которую она волочит к гнезду, задевая стебли травы и морошки.

Сегодня совиная семья уснет сытой после долгого кровавого пира.

XIII

В августе появились северные тучи и стало много холоднее. Туман, густой и холодный, выползал из-за сопки неожиданно, словно

подкравшееся чудовище, и быстро затягивал все своей серой пеленой. Исчезали очертания дальних холмов и озер. Потом скрывались близкие и даже соседние кочки, и оставался только один гнездовой бугор, словно остров среди подступившего беловатого моря. В такие дни старики не улетали далеко от гнезда. Они охотились вблизи, промышляя одних пеструшек. Часто кто-нибудь из взрослых улуней оставался около птенцов и грел их, распуская широкие крылья. Этот серый туман был так холоден, он так пропитывал все студеною влагой, что, только сплотившись в тесную кучу, можно было согреться. В этом летнем тумане было холоднее, чем в самый сильный, но сухой зимний мороз, который ничего не мог поделывать с пуховыми шубами сов.

В эти дни исчезали докучные комары. Надоедливые, похожие на шмелей, овода северных оленей не вились больше над своими терпеливыми жертвами. Стада самоедов стали возвращаться понемногу на юг. Люди радовались наступлению холода, убившего комаров.

Молодые улуня сильно подросли, но еще не все научились летать. Старикам по-прежнему было много заботы. Большинство совят еще не умело добывать себе пищу, а жадность их росла вместе с их величиной.

Кроме того, птенцы разбредались в разные стороны. Старшие перепархивали с бугра на бугор, и старикам нелегко было присмотреть за всеми, накормить и уберечь от опасности. В это время погибли два младших совенка. Одного загрызла волчица, другой попался в зубы увертливому песцу, сумевшему задушить птенца и скрыться с ним почти на глазах у старых птиц.

Но самая большая тревога случилась в один ясный и теплый день. Солнце сияло на ясном небе, тундра весело пестрела последними летними цветами и несчетными красными и желтыми ягодами зреющей морошки.

Около полудня кусты ивняка вдруг затрепетали, и через них с треском и шумом замелькали самоедские нарты и ветвистые олени рога. Олени бежали так быстро, как будто это было мокрое гладкое болото, а не корявый ивняк, оцетинившийся густым лесом кривых ветвей и цепких сухих сучьев.

Трое нарт, запряженных пятерками оленей, одни за другими выбежали к озеру неподалеку от бугра улуней. На нартах сидели три мальчика лет по тринадцати, вооруженных длинными хорями. У одного из них к задку его санок было привязано несколько песцовых силков и капканов, у другого старая ржавая двустволка. Третий ехал порожний.

Едва мальчики выехали на открытое место, как тот, что был впереди, привстал на нартах и начал сворачивать влево. Подъехав к бугру, он

остановил оленей, которые тотчас легли на мох, а сам спрыгнул и побежал к холму. Что-то серое, мохнатое и неуклюжее, как медвежонок, мелькнуло из-за камня и исчезло по ту сторону песчаного холма.

Когда он взбежал на макушку бугра, он увидел, как это толстое серое существо прыгало вниз по пологому скату. Оно спешило добраться до зарослей высокой травы. Мальчик изо всех сил пустился в погоню и вдруг заметил среди кочек целых пять шершавых пуховых улуней, притаившихся неподвижно среди багульника и карликовой березки. Подбежав к ним вплотную, он замахнулся на одного своим хореем, но удар пришелся в землю, потому что совята разом все запрыгали в разные стороны. Они разбегались так быстро, как нельзя было и ожидать от неуклюжих на вид шершавых созданий.

Мальчик крикнул товарищей. Началась ловля птенцов. Птенцы увертывались и защищались отчаянно, пуская в ход свои железные клювы и острые кривые когти.

И таково волшебное свойство кочковатой тундры: только два из них попали в наброшенные на них крепкие петли, остальные как будто провалились сквозь землю. Даже опытные и зоркие глаза самоедов не могли отыскать их.

Зато попавшихся в плен ждала короткая расправа. Отец и мать были далеко. Защиты не было. Мальчики крепко затянули петли на их пушистых шеях и привязали к задкам своих нарт. У высокого, темного чума старая самоедка ощипала их, опалила остатки перьев, выпотрошила и бросила в кипящий котел. Самоеды считают за лакомство вкусное мясо молодых улунят.

XIV

Близилась осень. Мороз по ночам уже леденил землю и воду. Долгий летний день кончился, и после заката солнца золотая заря тихо ходила по небу, погасала на севере и вновь разгоралась под утро. С каждым днем ближе надвигалась осень. Чаше и чаще напозал с моря серый туман, моросил дождик, а небо скрывалось за темным пологом туч.

В сентябре выпал первый мохнатый снег и сейчас же растаял; но по тундре от края до края пронеслось морозное дыхание близкой зимы.

В тундре все зашевелилось. Несчетные певчие стаи заспешили воздушными дорогами к далекому теплему югу.

Разноперые племена водоплавающих птиц по воздуху, по воде и даже по суше потянулись туда же. С громкими кликами, похожими на медные трубы, поднялись с озера белые лебеди. Легко и свободно понесли их могучие крылья прочь от наступающего царства зимы. Сокола, сарычи,

поморники также начали исчезать вслед за стаями улетающей добычи. Разжиревшие за осень пеструшки вдруг сделались вялыми и сонными и глубоко забились в свои торфяные норы.

Только одни куропатки еще не уходили. Всюду по кочкам, как золотые слитки, желтели спелые плоды морошки, вся земля усеяна была ягодами и семенами, и куропаткам не хотелось покидать это приволье. Их оперение приняло зимнюю белую окраску. Теплый белый пух густо покрывал их тело, а крепкие когти на ногах отросли и стали похожи на маленькие роговые совочки. Когда глубокий снег заметет и бугры и низины, когда ягоды и семена будут скрыты под толстыми сугробами, навешанными всюду метелью, эти когти сослужат своим хозяевам немалую и верную службу. Они проложат глубокие норы сверху до самой земли, туда, где притаились и мох, и трава, и зубчатые листочки березы, и несметные сокровища семян и плодов.

Здесь куропатки найдут и тепло, и защиту от ледящего ветра, и питательную обильную пищу, и надежную крепость ото всех своих врагов.

Каждая куропатка-мать наплодила около двух дюжин молодых птенцов, которых нужно было еще хорошенько откормить и вырастить крепкими и сильными.

Пока можно было легко ловить куропаток, совы были сыты. Выросшие, окрепшие птенцы теперь сами стали большими птицами, и только тонкие серые полосы поперек белого платья отличали их от взрослых улуней. Не хуже взрослых они могли схватить спрятавшуюся в кустах куропатку; не хуже взрослых умели вцепиться в мягкую спину беляка-зайца и, словно большие, выучились сидеть спокойно и тихо на голых вершинах бугров, поджидая добычу.

Но вот промелькнула короткая осень, и пришла сама седая морозная зима. Закрутилась в воздухе холодными белыми хлопьями, зашумела метелями, завывала лютым северным ветром, и от ее колдовства сразу изменилась тундра.

К торфяным буграм и песчанистым сопкам привалились глубокие снеговые сугробы. Теперь в тундре стало еще тише, чем раньше. Искося из-за раздвинувшихся туч поглядывало с бледного осеннего неба оробевшее солнце. По-прежнему на круглых буграх сидели улуни, почти невидимые теперь на белизне снегов. Но напрасно поворачивали они туда и сюда свои головы. Все живое словно исчезло кругом, насколько видел глаз, и ничто не намекало на присутствие жизни в тундре. Все, казалось, вымерло в этой белой пустыне, молчаливой и тихой, как могила.

Однако это было не так. Жизнь еще таилась везде, но стала как бы

невидимой и неслышной. Незаметно перелетали по снегу белые куропатки и, севши, тотчас закапывались глубоко в снег, поближе к земле и морошке. Как туманные тени мелькали на снегу зайцы-беляки. Порой они также закапывались в снег, под которым было и теплее и спокойнее. Незаметно подстерегали их побелевшие на зиму песцы. Белые улуни на белых бесшумных крыльях неожиданно настигали их. Порой белый и тонкий горноста́й тихо крался к норе куропатки, чтобы там окрасить чистый снег горячею кровью своей жертвы.

Кое-где замечались следы нарт и вереницы раздвоенных оленьих следов. Запоздалые самоеды торопились на юг, пробирались из тундры к лесам.

Как прежде над норами пеструшек, так теперь перед снеговыми берлогами куропаток и зайцев сторожили недвижные улуни.

Но с каждым днем труднее доставалась им добыча. Дни все делались короче и быстро сменялись слепую морозною ночью.

Беляки светлое время дня проводили в логовах, предоставляя метелям заносить себя сколько угодно. Только по ночам появлялись они из-под снега и незаметно пробирались в кустарники, где глодали сучья и почки ив.

Но хуже всего было то, что и куропатки, и зайцы, пользуясь ночной темнотой, ускользали куда-то, направляясь на юг к лесной стороне, которая сулила им более надежную защиту и более обильный корм.

Улуни начали голодать. Теперь чаще молено было видеть их медленный полет над тундрой, которая стала такой суровой, негостеприимной.

XV

Была морозная звездная полночь. Ветер утих, и снега спокойно спали на равнине холодной полярной земли. Молодой месяц узким серпом серебрился в темной глубине неба.

На холме улуней было тихо, но внимательный глаз мог бы открыть здесь несколько белесых округлых фигур, тесно сомкнувшихся вместе. Это были дети белой Большой совы, собравшиеся перед отлетом.

Вдруг все встрепенулись и прислушались. Где-то близко во мгле послышалось торопливое хлопанье крыльев, и чуткие уши улуней различили тяжелый полет кочующих куропаток.

Большая сова расправила крылья. Она также полетит туда, куда улетаю́т эти птицы.

Она взмахнула крыльями и понеслась вперед, а за ней потянулась вся стая ее птенцов. Мохнатый белый супруг ее замыкал вереницу летящих к югу птиц.

А сзади на полночной стороне неба заиграли разноцветные сполохи северного сияния, похожего на исполинскую арку, сложенную из мерцающих снопов таинственного света.

Улуни покидали надолго свою суровую родину. Они не могли больше прокормиться в опустевшей тундре и так лее, как и самоеды с оленями, искали лучших зимовий. Долгие дни проведут они на чужбине на белых полянах среди лесов. Целую зиму будут кочевать из одной речной долины в другую. Будут промыслять себе пернатую и четвероногую добычу не только ночью, как это делают другие совы, но и в утренние светлые часы. В лесных делях будут ссориться с филином, вторгаясь в его владения, и он скоро узнает силу их острых когтей. И с первым дыханием весны, когда заиграют горячие лучи на сосульках и закапают с них первые светлые весенние слезы, они тронутся в обратный путь к своим летним владениям у подножия песчаных сопков, к широким торфяным буграм и бесчисленным мохнатым кочкам.

(1) Большие лужи и озера.

(2) Особый вид больших куликов с красными клювами, глазами и ногами.

(3) Припаем зовется на севере береговой лед, неподвижно примерзший к берегу; торосами - плавающие льдины, обыкновенно исковерканные, изломанные ударами волн, смерзшиеся из многих кусков и обломков, набросанных друг на друга.

(4) Шняки - небольшие парусные морские суда беломорских поморов.

(5) Ера - сплошные заросли густых ивовых кустов в тундре.

(6) Нельма - рыба из породы лососевых, близкая родственница белорыбицы.

(7) На севере и на высоких горах на снегу весной и летом встречаются багровые пятна, окрашенные микроскопическими красными водорослями.

(8) Ягель - олений мох, лишайник, которым зимой главным образом кормятся олени.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)